

Е. В. Желтова
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, e.zheltova@spbu.ru

А. Ю. Желтов
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, a.zhelto@spbu.ru

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ТИПОЛОГИЯ ОБЪЕКТНОЙ ИНКОРПОРАЦИИ

С точки зрения традиционной морфологической классификации языков древнегреческий не относится к инкорпорирующим языкам. Однако сложные глагольно-именные образования, удовлетворяющие признакам инкорпорирующих глаголов, представлены в нем довольно широко и представляют большой интерес не только с точки зрения греческого словообразования, но и с точки зрения лингвистической типологии. Опираясь на разделение инкорпорации на сильную и слабую, авторы выстраивают градуальную типологию инкорпорации, и пытаются определить в ней место древнегреческого языка. Данная типология основана не на строгом противопоставлении инкорпорирующих и не инкорпорирующих языков, а является своего рода шкалой, в которой место языка определяется большим или меньшим соответствием следующим критериям: 1) полная инкорпорация существительного в глагол или только тесное морфосинтаксическое единство существительного и глагола, 2) наличие параллельных синтаксических парафраз, 3) утрата или сохранение переходности инкорпорирующего глагола, 4) отчетливые следы и степень продуктивности инкорпорации в языке. Оказалось, что древнегреческий язык обладает столь большим разнообразием инкорпорирующих глаголов, что занимает сразу несколько мест в градуальной типологии. При этом древнегреческий язык демонстрирует как большую продуктивность инкорпорации, чем латынь, так и значительное разнообразие вариантов инкорпорирующих конструкций, что позволяет добавить к уже разработанной матрице два дополнительных параметра: 1) включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса и возможностью анафорической референции объекта и 2) включение объекта в глагол с сохранением его переходности и возможностью пассивизации. Таким образом, древнегреческий попадает не только во все ячейки матрицы, в которые попадает латинский язык, но и демонстрирует еще две разновидности инкорпорации, редко встречающиеся даже в “классических” инкорпорирующих языках.

Ключевые слова: древнегреческий язык, объектная инкорпорация, типология.

E. V. Zheltova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, elena.zheltova.mail.ru,

A. Yu. Zheltov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ajujeltov@mail.ru

Ancient Greek and typology of object incorporation

From the viewpoint of traditional morphological classification, Ancient Greek does not belong to the incorporating languages. However, compound verbo-nominal structures satisfying the criteria of incorporating verbs are not infrequent in Ancient Greek and are of great interest not only from the point of view of Greek word-formation, but also in the perspective of linguistic typology. Based on the division of incorporation into “strong” and “weak”, the authors suggest a gradual typology of incorporation, and try to identify the place of Ancient Greek in this typology. It is not based on a strict opposition of incorporating and non-incorporating languages, but represents a kind of continuum in which the place of a language is determined by greater or lesser compliance with the following criteria: 1) full incorporation of the noun into the verb or only a close morphosyntactic unity of the noun and verb, 2) the presence or absence of parallel syntactic paraphrases, 3) loss or preservation of transitivity of the incorporating verb, 4) the degree of productivity of incorporation in the language, and some others. Ancient Greek turned out to have such a wide variety of incorporating verbs that it occupies several places at once in this gradual typology. At the same time, Ancient Greek shows both more productivity of incorporation than Latin, and a greater variety of incorporating constructions. Such diversity allows us to add two additional parameters to the already developed matrix: 1) incorporation of an object into a verb with detransitivization of the incorporated complex and the possibility of anaphoric object reference, and 2) incorporation of an object into a verb with transitivity being preserved and with passivization of the compound verb. Thus, Ancient Greek falls not only into all slots of the matrix in which Latin falls, but also demonstrates two more variants of incorporation, rarely found even in “classical” incorporating languages.

Keywords: ancient Greek, object incorporation, typology.

1. Макро- и микротипология инкорпорации

Еще в XIX веке В. фон Гумбольдт ввел в морфологическую типологию тип инкорпорирующих языков, допускающих включение лексического объекта в глагольную словоформу. К ним обычно относят некоторые америндские и палеоазиатские языки (в частности, чукотский и корякский). Инкорпорация в тех языках, где этот процесс является продуктивным, выполняет

важные синтактико-прагматические функции, а именно, меняет морфосинтаксический статус объекта: он перестает быть отдельным словом, становится неизменяемым, неспецифическим, нереферентным, теряет признаки числа и рода, а также способность квалифицироваться прилагательными, местоимениями и т. д. Как правило, при инкорпорации меняется аргументная структура глагола, то есть он теряет одну из валентностей, подвергаясь детранзитивизации¹. Вместе с этими изменениями весь инкорпорированный комплекс приобретает несколько более широкое, обобщенное значение². Процесс инкорпорации также регулирует информационный поток: инкорпорированный объект дефокализуется или, по крайней мере, перестает быть единственным носителем прагматической функции фокуса («узким фокусом»)³.

При дальнейшем изучении данного явления было замечено, что инкорпорация предполагает сосуществование в языке параллельных конструкций, одна из которых представляет собой морфологическое сращение существительного и глагола (собственно, инкорпорацию), а другая сохраняет самостоятельный морфосинтаксический статус объекта и глагола. Причем именно подобный параллелизм признан одним из ведущих специалистов по инкорпорации Марианн Митун наиболее важным аргументом для отнесения языка к инкорпорирующему типу. Она подчеркивает (Mithun 1984: 847–848), что «все языки, которые демонстрируют такие морфологические структуры, имеют также синтаксические парафразы, то есть параллельные неинкорпорированные конструкции. Если мы знаем, что на корякском языке можно сказать

¹ Этот параметр, впрочем, не является универсальным (Rosen 1989; Creissels 2008).

² Sadock 2006.

³ См. об этом подробнее (Mithun, Corbett 1999, 57): “the alternation between incorporated and independent nouns is used pervasively to regulate the flow of information through discourse. Separate nouns tend to be used to focus individual attention on a newsworthy piece of information, such as a significant new participant or a contrast. Information that is already an established part of the scene, predictable, or incidental, may be carried along by an incorporated noun”, а также (Zheltov, Zheltova 2024).

- (1a) *tiqoyanmatekn* ‘я-оленеубиваю’,
то мы можем определенно предсказать и существование предложения
(1b) *tinmekin qoywge* «я убиваю оленя».

Хотя термин «инкорпорация» буквально означает «включение, внедрение некоего объекта или его части в целое», это «включение» может оказаться менее важным, чем вышеупомянутый параллелизм и референтность/нереферентность объекта. Митун приводит несколько примеров так называемого «*poun stripping*», которые рассматриваются как своего рода инкорпорация, в то время как реальное включение объектной именной группы в глагол не наблюдается. Так, в тамильском языке подобные конструкции сохраняют все особенности инкорпорации (наличествуют параллельные конструкции, существительные-объекты не модифицируются прилагательными, числительными, показателями падежей), однако они не образуют единства с глаголом, так как между существительным и глаголом может находиться эмфатическая частица (Mithun 2000: 920–921).

В. А. Плунгян также упоминает наличие «сильной» инкорпорации (полное внедрение именной основы в глагольную словоформу) и «слабой» инкорпорации (тесное морфосинтаксическое единство имени и глагола), к которой относятся как раз конструкции с «*poun stripping*», или «*bare poun*», то есть с неоформленным именем (Plungian 2011: 228–229).

Привлечение к анализу более широкого круга языков, чем обычно относимые к инкорпорирующим, позволяет увидеть, что, по сути, объектная инкорпорация не является лишь отдельным типом в рамках морфологической типологии, а представляет собой самостоятельную типологическую классификацию, в которой все языки могут занимать определенное место в соответствии с набором признаков, имеющих отношение к явлению инкорпорации. Перефразируя слова Л. Н. Толстого о счастливых и несчастных семьях, можно сказать, что не только «инкорпорирующие» языки инкорпорируют по-разному, но и «ненкорпорирующие» языки не инкорпорируют по-разному.

В наших предшествующих работах (ZheltoV 2020; Zheltova, ZheltoV 2022; ZheltoV, Zheltova 2024) предлагается типологическая матрица явлений, значимых для описания объектной инкорпорации. При этом постулируется подход, учитывающий

как макро-типологию (доминирующий в языке тип отношений глагола и прямого дополнения), так и микро-типологию, включающую в рассмотрение также непродуктивные и маргинальные модели такого взаимодействия. Данная статья станет продолжением поисков подходов, которые позволяют рассматривать явления, имеющие отношение к инкорпорации, на материале индоевропейских языков, которые традиционно к инкорпорирующим не относятся. В некотором смысле, предлагается рассмотреть, почему «неинкорпорирующие» языки не инкорпорируют по-разному. В (Zheltova, Zheltov 2022; Zheltov, Zheltova 2024) такой поход был применен к латинскому языку: делалась попытка поставить его в типологический контекст других языков, как относимых к классическим инкорпорирующим, так и к неинкорпорирующим языкам индоевропейской и некоторых других семей.

В результате мы пришли к выводу, что место латыни в макро- и микро-типологии инкорпорации принципиально различно. Макро-типология инкорпорации относит латынь (вместе с русским) в класс языков, в которых продуктивной инкорпорации объекта в глагол не наблюдается, но существуют параллельные конструкции с различным прагматическим статусом (Zheltov, Zheltova 2024). Микро-типология инкорпорации, учитывающая не только регулярные и продуктивные формы, но и более частные явления, позволяет отнести латынь сразу к четырем категориям:

1) вместе с русским — в категорию неинкорпорирующих (с традиционной точки зрения) языков с параллельными конструкциями, но без инкорпорирования объекта в глагол и образования компактных форм (релевантно для большинства глаголов),

2) вместе с корякским — в классические инкорпорирующие языки, в которых инкорпорирующий глагол утрачивает переходность (таковы глаголы *belligerare*, *morigerari*, *curagere*),

3) вместе с суахили (в случае прономинальных объектов) и аналогично гбан — в класс инкорпорирующих языков без параллельных синтаксических парафраз (характерно для глаголов *gratulari*, *mandare*, *manumittere*),

4) вместе с мандинка — в инкорпорирующие языки с сохраняемой в инкорпорирующем глаголе переходностью (применимо к *animadvertere*, *ludificari* и некоторым другим глаголам на *-ficare/ficari*).

В таблице 1 представлена многомерная матрица явлений, которые определяют место языка в континууме инкорпорации. В этой матрице латынь занимает четыре позиции, что позволяет уточнить ряд значимых параметров.

Таблица 1⁴. Место латыни в градуальной типологии языков на основе трех критериев инкорпорации (компактность, наличие параллельных конструкций и утрата/сохранение переходности)

	Наличие параллельных конструкций	Отсутствие параллельных конструкций
Включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса	корякский латынь*	суахили (для прономинального объекта), латынь*
Включение объекта в глагол без детранзитивизации инкорпорированного комплекса	мандинка латынь*	
Морфосинтаксическая связанность объекта с глаголом	тамильский	гбан
Объектная индексация в глаголе	суахили (для именного объекта)	
Отсутствие связанности объекта с глаголом	русский, латынь	

2. Особенности объектной инкорпорации в древнегреческом

Объектная инкорпорация в древнегреческом языке уже затрагивалась исследователями⁵. Наиболее подробно, насколько нам известно, механизмы инкорпорации в древнегреческом описаны Надавом Асрафом (Asraf 2021; 2022). В своем глубоком и чрезвычайно информативном исследовании он

⁴ Светло-серым выделены языки, относящиеся к инкорпорированным, знаком * отмечена непродуктивность (нерегулярность) данного явления в языке.

⁵ См. краткий обзор в статье (Asraf 2021: 39). Как и некоторые другие работы об инкорпорации в классических языках (Pompei 2006; Marini 2015), он опирается на классификацию Марианн Митун (Mithun 1984; 2000).

показывает, что в древнегреческом существовало множество глаголов, которые отчетливо демонстрируют инкорпорацию существительного, например, στεφανη-πλοκέω, λογο-ποιέω, στρατ-ηγέω и νομο-θετέω. По большей части, это глаголы, оканчивающиеся на -έω, со структурой N+V, включающей зависимый именной компонент, за которым следует глагольная вершина. Фонетически такие глагольные компоненты имеют форму CoCé- (например, -ποιέω, -φορέω, -δοκέω, -κτονέω и -λογέω), но могут характеризоваться и другими гласными (е или а) и иметь форму CeCé- или CaCé- соответственно (например, -θετέω, -φαγέω, -βατέω и -μαχέω) (Asraf 2021: 40). В качестве примеров подобных образований автор приводит 49 сложных глаголов, получившихся на основе четырнадцати простых глаголов путем инкорпорации в них различных существительных (Asraf 2021: 41), и этими 49 глаголами перечень греческих инкорпорирующих глаголов далеко не исчерпывается. Правда, эти образования включают инкорпорацию существительных с разными семантическими ролями, такими как место, (ἀερο-βατέω ‘ступать по воздуху’), цель (βοη-δρομέω ‘бежать на крик’, отсюда ‘помогать’), инструмент (ἵπλο-μαχέω ‘сражаться с коня, сражаться верхом’), время (νυκτο-πορέω ‘путешествовать в ночное время’); однако чаще всего инкорпорированное существительное играет роль пациенса, то есть соответствуют синтаксической роли прямого дополнения (например, γαλακτο-ποτέω ‘пить молоко’, ξενο-δοκέω ‘развлекать гостей’, λιθο-φορέω ‘носить камни’), и мы далее сосредоточимся только на этой разновидности инкорпорации.

Эти и другие анализируемые ученым образования взяты из авторов, жанров, диалектов разных периодов, так что при желании можно проследить продуктивность данного деривационного механизма. Примечательно, что этот процесс привел к появлению огромного количества глаголов *ad hoc*, возникших ситуативно и используемых ради одного эффективного высказывания, а затем быстро забытых. Многие из них являются *hapax legomena*, и зачастую естественным источником таких недолговечных образований была греческая комедия (Asraf 2021: 52–53).

При таком положении дел возникает вопрос, является ли инкорпорация в древнегреческом языке продуктивным процессом. В рамках различных научных школ и с опорой на

разнообразные языковые данные ответ может различаться. Так, в (Caballero et al. 2008) говорится, что встречаются инкорпорирующие языки, в которых всего несколько глаголов могут инкорпорировать существительные. Например, в юто-ацтекском языке тюмписа шошоне (Tümpisa Shoshone) инкорпорирующих глагольных основ всего пять, но они позволяют любому существительному быть инкорпорированным. Таким образом, если в языке есть закрытый набор инкорпорирующих глаголов, но открытый набор инкорпорируемых существительных, можно считать инкорпорацию продуктивной (Caballero et al. 2008: 392).

Именно такой нам видится инкорпорация в древнегреческом языке, если рассматривать это явление на диахроническом срезе и с опорой на литературные источники, в которых мы сталкиваемся с большой свободой в создании окказиональных и недолговечных неологизмов. Принимая во внимание эту особенность, мы бы осторожно назвали инкорпорацию в древнегреческом если не продуктивной, то по крайней мере, частично продуктивным явлением.

Еще одна интересная особенность древнегреческой объектной инкорпорации, отмеченная Асрафом (2021: 49), состоит в том, что инкорпорированные существительные, даже если они не были введены в дискурс ранее, могут служить антецедентом анафорического местоимения, что отличает древнегреческий от латыни, но сближает его с классическим инкорпорирующим языком мохавк, ирокезским языком Северной Америки (Mithun, Corbett 1999: 57), например:

(2) $\mu\lambda\tau\omicron\upsilon\nu\tau\alpha\ \delta\prime\ \acute{\omega}\nu\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma\ \omicron\upsilon\tau\omicron\iota\ \kappa\alpha\iota\ \pi\iota\theta\eta\kappa\omicron\text{-}\phi\alpha\gamma\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\sigma\iota\ \omicron\iota\ \delta\acute{\epsilon}\ \sigma\phi\iota\ \acute{\alpha}\phi\theta\omicron\nu\omicron\iota\ \omicron\sigma\omicron\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \delta\omicron\rho\epsilon\varsigma\ \gamma\acute{\iota}\nu\omicron\nu\tau\alpha\text{.}$ (Hdt. 4.194.1)

‘И все они красят себя кинovarью и едят обезьян, а они (обезьяны) в изобилии водятся в горах’.

В этом примере анафорическое местоимение $\omicron\iota$ кореферентно не какому-либо отдельно стоящему антецеденту, а инкорпорированному существительному $\lambda\acute{\iota}\theta\eta\kappa\omicron\varsigma$ ‘обезьяна’.

До сих пор мы говорили о древнегреческом в контексте так называемой «сильной» инкорпорации. Однако, как было упомянуто, в языках мира имеются также различные стратегии «слабой» инкорпорации. Все они основаны на сосуществовании в языке параллельных конструкций, противопоставленных друг другу по тем же принципам, что и в классических инкорпори-

рующих языках, но без сращения имени и объекта в единую словоформу⁶. В механизмах слабой инкорпорации могут принимать участие артикли (немецкий, шведский)⁷, индексация в глаголе (суахили)⁸, аспектуальные оппозиции (хинди, русский)⁹, порядок слов (русский, латынь) и, возможно, другие языковые явления¹⁰.

В следующем разделе мы рассмотрим, имеется ли, помимо сильной, также и слабая инкорпорация в древнегреческом, и попробуем соотнести все наблюдаемые особенности греческой инкорпорации с типологической матрицей, предложенной в Таблице 1.

3. Древнегреческий язык и микро-типология инкорпорации

Итак, перечисленные в предыдущем разделе особенности греческой объектной инкорпорации демонстрируют гораздо большее присутствие и значимость этого явления в древнегреческом, чем в латинском. Если в макро-типологии инкорпорации латынь прочно занимает место среди языков, где сильная продуктивная инкорпорация отсутствует, то про древнегреческий мы этого сказать не можем. Что касается микро-типологии, древнегреческий материал дает еще больший, чем латынь, спектр возможностей. Рассмотрим их в соответствии с указанными выше параметрами, но начнем на этот раз с тех, которые имеют отношение к сильной инкорпорации¹¹.

3.1. Сильная инкорпорация с параллельными конструкциями и детранзитивизацией (корякский тип)

С кросс-лингвистической точки зрения, инкорпорация существительного, функционирующего в качестве семантичес-

⁶ Для слабой инкорпорации применяются также термины “quasi-incorporation”, “pseudo-incorporation”, а также “semantic incorporation” (Carlson 2006).

⁷ Dahl (2004: 217).

⁸ Zheltov (2020: 109–110).

⁹ Mueller-Reichau (2015: 266).

¹⁰ Zheltov, Zheltova 2024.

¹¹ В отборе материала мы опирались, прежде всего, на статью Н. Асрафа, а также пользовались базой данных Thesaurus Linguae Graecae. Все переводы с древнегреческого наши.

кого пациенса и синтаксического объекта переходного глагола, приводит к заполнению аргументной структуры и к детранзитивизации глагола. Таким образом, инкорпорация существительного представляет собой валентностно-редукционный механизм, удаляющий один из аргументов глагола. В латыни этот тип инкорпорации представлен глаголами *belligerare*, *morigerari* и *curagere*.

Рассмотрим в этой связи примеры (3а) и (3б), содержащие параллельные конструкции в пассажах из Пиндара и Аристофана. В примере (3а) глагол *πλεκέτω* управляет прямым дополнением *στέφανον*, которое модифицируется прилагательным *ἄβρον* и генитивным определением *μυρσίνας*, и все сказуемое относится к одному, четко определенному действию:

(3а) *ἀλίκων τῷ τις ἄβρον*
ἄμφι παγκρατίου Κλεάνδρῳ πλεκέτω
μυρσίνας στέφανον. (Pind. *Istm.* 8.65b–66b)
 ‘Поэтому пусть другой юноша сплетет для Клеандра
 нежную миртовую гирлянду в честь Панкратия.’

В примере (3б), напротив, существительное составляет единое целое с глаголом, не имеет падежных окончаний и не модифицируется никакими классификаторами. Следовательно, вся глагольная структура относится не к единичному действию, а к непрерывному процессу, который представляет собой повседневную деятельность и рутинную работу бедной женщины:

(3б) *ἐμοὶ γὰρ ἀνὴρ πέθανεν μὲν ἐν Κύπρῳ*
παῖδάρια πέντε καταλιπὼν, ἀγὼ μόλις
στεφανηπλοκοῦσ' ἔβωσκον ἐν ταῖς μυρρίναις.
 (Aristoph. *Thesm.* 446–448)

‘Муж у меня умер на Кипре, оставив мне пятерых маленьких детей, о которых я с трудом заботилась, плетя гирлянды на миртовом рынке.’

Если в (3а) глагол *πλεκέτω* ведет себя как переходный, то в (3б) *στεφανηπλοκέω* свою переходность теряет.

Аналогично ведут себя инкорпорирующий глагол *ξείνοκτονεῖν* ‘быть гостеубийцей’ и его синтаксическая парафраза *μηδένα ξείνων κτείνειν* ‘не убить никого из гостей’, засвидетельствованные у Геродота (Hdt. 2.115.4–6)¹².

¹² Примеры из (Asraf 2021: 38; 44).

3.2. Сильная инкорпорация с параллельными конструкциями и сохранением переходности (тип мандинка)

3.2.1. Базовый вариант

Наряду с описанным выше типом инкорпорации, при котором глагол перестает быть переходным, наблюдается сильная инкорпорация, которая не оказывает влияния на аргументную структуру исходного глагола, сохраняя его переходность¹³. При этом валентность на прямой объект является факультативной, то есть ее реализация в предложении необязательна. Обратимся к двум пассажам из платоновских диалогов¹⁴. Пассаж (4) из «Теэтета» содержит в непосредственной близости друг к другу и инкорпорирующий глагол *βοηθετέω* без прямого объекта, и его синтаксическую парафразу:

(4) ὅταν γὰρ **βοηθετόμεθα**, ὡς ἐσομένους ὠφελίμους **τοὺς νόμους τιθέμεθα** εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον. (Plat. *Tht.* 178a)

‘Ибо всякий раз как мы занимаемся установлением законов, мы устанавливаем законы, которые будут полезны для грядущего времени’.

А пример (5) отчетливо показывает, что этот же глагол *βοηθετέω* может иметь при себе прямое дополнение (*ταῦτα*):

(5) τοῦτων οὖν πάντων ἕνεκα, ἦν δ' ἐγώ, φῶμεν οὕτω δεῖν **κατεσκευάσθαι τοὺς φύλακας οἰκῆσεώς τε περὶ καὶ τῶν ἄλλων, καὶ ταῦτα βοηθητήσωμεν**, ἢ μή; (Plat. *Resp.* 417b)

‘Ради всего этого, — сказал я, — давайте объявим, что необходимо обеспечить наших стражей жильем и всем прочим, и давайте законодательно установим это. Не так ли?’

3.2.2. Конструкции с *figura etymologica*

Иногда в качестве прямого дополнения инкорпорирующего глагола используется слово, дублирующее инкорпорированное имя, создавая, таким образом, *figura etymologica*, как в примере

¹³ Это явление описано на более широкой выборке языков в работе Rosen (1989). Она определяет инкорпорацию существительных (NI), теряющую переходность, как compound NI, а инкорпорацию существительных, сохраняющую переходность, как classifier NI.

¹⁴ Примеры из (Asraf 2021: 57–58).

(6a), где глагол *τρηραρχέω* ‘управлять триерой, служить триерархом’ управляет однокоренным прямым объектом *τρηραρχίας*:

(6a) οἱ δ' ἑτέρας μεγάλας ἀρχὰς ἄρξαντες καὶ **τρηραρχίας** πολλὰς **τρηραρχήσαντες** οὐδεπώποτε ὑφ' ὑμῶν οὐδεμίαν αἰτίαν αἰσχροῦν ἔσχον. (Lys. 13.62)

‘Иные же, занимавшие другие большие должности и служившие много раз триерархами, никогда не подвергались позорному осуждению с твоей стороны’.

А пассаж (6b) показывает, что у глагола *τρηραρχέω* имеется параллельная неинкорпорированная конструкция:

(6b) Λεύκιος δὲ Σκιπίων, ὁ κηδεστὴς τοῦ Πομπηίου, καὶ ὅσοι ἄλλοι τῶν ἐπιφανῶν ἐκ τοῦ κατὰ Φάρσαλον ἔργου διελεφεύγεσαν, ἐπὶ Κερκύρας ἠπειγόντο πρὸς Κάτωνα, ἑτέρου στρατοῦ καὶ **τριακοσίων τριήρων ἄρχειν ὑπολελειμμένον** (Appian. *Bel. Civ.* 2.12.87.5)

‘А Луций Сципион, родственник Помпея, и другие из оптиматов, бежавшие после битвы при Фарсале, устремились на Керкиру к Катону, получившему в управление другое войско и триста триер.’

3.2.3. Конструкции с «семантической» *figura etymologica*

Еще одна разновидность переходных конструкций представлена инкорпорирующими глаголами, которые могут принимать как однокоренное дополнение (истинная *figura etymologica*), так и неоднокоренное (назовем это семантической *figura etymologica*). К ним, в частности, относятся *οἰκοδομέω* ‘строить дом’, *οἰνοχοέω* (также *οἰνοχοεύω*) ‘наливать вино’, *ναυπηγέω* ‘строить корабль’ и некоторые другие. Так, *οἰκοδομέω* ‘строить дом’ может управлять винительным падежом объекта, этимологически однокоренного с инкорпорированным существительным (например, *οἰκία*, *οἰκίας*, *οἴκημα*) либо «семантически» однокоренного (*νηόν* ‘храм’, *γέφυραν* ‘мост’, *πυραμίδας* ‘пирамиды’), например:

(7) ἐπὶ δ' ἀνέρες ἐσθλοὶ ὄροντο **οἶνον οἰνοχοέοντες** ἐνὶ χρυσεῖσις δελάεσσιν. (*Od.* 3.471–472)

‘И поднялись знатные мужи, «виноразливая» вино в золотые чаши’.

(8) μετὰ δὲ σφισι πότνια Ἦβη **νέκταρ ἐωινοχόει**. (II.4.2–3)
 ‘Среди них царственная Геба «виноразливала» им нектар’.

Сохранился схолий к последнему примеру, в котором схолиаст выражает недоумение «катахрестическим» сочетанием νέκταρ ἐωινοχόει, как и другими в том же роде:

(9) καταχρηστικῶς, ὡς **βωμὸν οἰκοδομεῖν** καὶ ἵπποι βουκολέοντο (II. 20.221). (Scholia ad II. 4.3)

‘Катахрестически, как в «домостроить алтарь» и «лошади быкопаслись»’.

Аналогичным образом авторы фундаментальной грамматики (Kühner, Gerth 1898–1904: 582) рассматривают это явление как пример «плеоназма», который, как утверждается, вошел в прозаический язык «aus der Volkssprache».

Недоумение перед катахрезой и плеоназмом может быть снято, если сравнить прагматическую функцию инкорпорированных объектов и соответствующих дополнений οἶνον, νέκταρ и βωμὸν в этих примерах: первые, сливаясь с глаголом, теряют референтность, определенность и дефокализуются, а вторые, будучи вполне референтными и определенными, становятся носителями новой информации, то есть фокусом предложения. Пониманию подобных явлений в древнегреческом языке способствовали данные из других инкорпорирующих языков — австралийских рембарнга, гунвинггу и ирокезского мохавк, — в которых засвидетельствованы такие же процессы¹⁵. Таким образом, типологические данные проливают свет на языковые явления, которые до сих пор не имели убедительного объяснения в рамках традиционных греческих грамматик.

В подкрепление этих рассуждений мы нашли еще один пример:

(10) ... τριήρεις τε πρὸς ταῖς ἡμετέραις πολλὰς ναυπηγησάμενοι.
 (Thuc. 6.90.3.6)
 ‘... и «кораблестроив» множество триер вдобавок к нашим.’

¹⁵ Примеры из греческого и других языков взяты из (Asraf 2021: 63–64), со ссылкой на данные из (Rosen 1989: 303) и (Mithun 1984: 867; 1986: 34).

Здесь общий процесс строительства судов, описанный инкорпорирующим глаголом, конкретизируется с помощью фокальной именной группы *τριήρεις πολλὰς*, которая и является новой и важной информацией, а прием гипербата, то есть отрыв определения *πολλὰς* от определяемого слова *τριήρεις*, подчеркивает значимость количественного компонента.

3.2.4. Идиоматические инкорпорирующие конструкции

Надав Асраф выделил еще одну группу сложных образований, значение которых не сводится к сумме значений первичного глагола и инкорпорированного имени (Asraf 2021: 59). Так, глагол *χειροτονέω*, буквально означающий ‘тянуть руку’, путем метонимического переноса приобрел значение ‘избирать кого-либо’ (с аккузативным дополнением), а глагол с прозрачной этимологией *δоруφορέω*, первоначально означавший ‘нести копье, выполняя функции телохранителя (*δоруφόρος*)’, развил значение ‘охранять кого-либо’, также не утратив переходности, пример (11a):

(11a) [ὁ Πανσανίας] ... ἐκ τοῦ Βυζαντίου ἐξῆι καὶ διὰ τῆς Θράκης πορευόμενος **αὐτὸν** Μῆδοι καὶ Αἰγύπτιοι **ἐδоруφόρουν** (Thuc. 1.130.1.7)

‘[Павсаний]... вышел из Византия, и его на переходе через Фракию охраняли мидийцы и египтяне’.

Примечательно, что поиск в *Thesaurus Linguae Graecae* дает значительно больше примеров с глаголом *δоруφορέω*, чем с его синтаксической парафразой (последних мы обнаружили всего четыре, причем только в позднеантичных и византийских источниках: один у Созомена (11b) и еще три у Евстафия):

(11b) οὐ γὰρ ξίφος ἢ **δόρυ φέρων** οὐδὲ ἄλλο τι βέλος ἔχων ἐπὶ τοῦτὶ τὸ θηρίον ἦλθεν· (Sozomen. *Hist. eccl.* 7.26.2.2.)

‘ибо ни меча, ни копья не неся, ни иного какого дротика не имея, вышел на этого зверя’.

Итак, древнегреческие инкорпорирующие глаголы могут эволюционировать и приобретать новые идиоматизированные значения, сохраняя при этом классические признаки инкорпорации.

3.2.5. Пассивизация инкорпорирующего глагола

В этом параграфе мы покажем, что древнегреческие инкорпорирующие глаголы могут идти еще дальше, обнаруживая свойства, которые (почти) не встречаются в других инкорпорирующих языках. Это пассивизация инкорпорирующего глагола, которая наглядно видна на примерах (12a) и (12b) с одинаковыми глаголами и дополнениями, но в разных залогах:

(12a) τοῦτον δὲ ... λίμνην ... ὀρύξαι ... **πυραμίδας** τε ἐν αὐτῇ **οἰκοδομήσαι** ... (Hdt. 2.101.2)

‘Он же ... вырыл озеро... и «домопостроил» на нем пирамиды ...’

(12b) ἐκ τούτων δὲ τῶν λίθων ἔφασαν **τὴν πυραμίδα οἰκοδομηθῆναι** τὴν ἐν μέσῳ τῶν τριῶν ἐστῆκυῖαν. (Hdt. 2.126.2)

‘А из этих камней, как говорили, была «домопостроена» пирамида, которая стоит среди тех трех’.

Сама по себе пассивизация глагола οἰκοδομέω неувидительна, коль скоро он сохраняет переходность. Удивительно то, что сочетание пассивной морфологии с инкорпорацией существительных встречается крайне редко и засвидетельствовано едва ли не в одном языке инуктитут — эскимосско-алеутском языке Канады¹⁶.

3.3. Компактные глагольно-именные образования без параллельных конструкций (тип суахили и гбан)

Напомним, что в макро-типологии инкорпорации присутствуют языки, в которых сосуществуют инкорпорирующие глаголы и параллельные неинкорпорированные конструкции. Однако мы предложили микро-типологию, учитывающую различные параметры, и ввели в нее тип языков (к ним мы отнесли, с определенными оговорками, суахили и гбан), в которых имеются компактные глагольно-именные структуры, но без параллельных конструкций. В латинском языке к этому типу, как оказалось, принадлежат *gratulari*, *mandare* и *manumittere*. Что касается древнегреческого, нам удалось идентифицировать несколько глаголов, относящихся к этой категории: καμηλο-

¹⁶ См. подробнее в (Asraf 2021: 66–67).

τροφέω ‘разводить верблюдов’, στεφανηφορέω ‘носить венки’ и πορνοβοσκέω ‘содержать гетер’.

В процессе поиска параллельных синтаксических парафраз, в частности, к глаголу καμηλοτροφέω, в TLG обнаружилось немало примеров с инкорпорированными формами, как в (13):

(13) οὗτοι δὲ **καμηλοτροφοῦντες** πρὸς ἅπαντα χρῶνται τὰ μέγιστα τῶν κατὰ τὸν βίον τῆ τοῦ ζῴου τούτου χρειᾶ. (Diod. Sic. 3.45.4)

‘Они же, разводя верблюдов, пользуются этим животным для удовлетворения самых важных потребностей в своей жизни.’

Однако параллельных конструкций с простым глаголом τροφέω или τρέφω ‘кормить’ мы не нашли, только с ποτίζω ‘поить’ (14), что едва ли можно считать синтаксической парафразой к καμηλοτροφέω.

(14) ἐρευνητέον δὲ τὴν αἰτίαν, δι' ἣν τὸν μὲν παῖδα ἀπὸ τῆς πηγῆς, τὰς δὲ **καμήλους** ἀπὸ τοῦ φρέατος **ποτίζει** (Philo. *De poster. Caini* 153.2)

‘Следует искать причину, по которой он поит ребенка из источника, а верблюдов из колодца’.

3.4. Параллельные конструкции без компактности (слабая, или «семантическая», инкорпорация)

Поскольку в классических инкорпорирующих языках параллельные конструкции призваны выражать разные прагматические значения, в неинкорпорирующих тоже можно найти соответствующие пары конструкций, противопоставленных по этому признаку, но пользующихся другими морфологическими или синтаксическими средствами (см. раздел 2), в том числе, порядком слов. Так, для латинского языка мы предложили пару (15a) и (15b) с разной прагматической нагрузкой объекта *aciem*.

В (15a), с порядком слов OV, в фокусе находятся и глагол, и объект (контрольный вопрос – «Что сделали лигуры?»), а в (15b), с порядком VO, в фокусе находится только объект (контрольный вопрос – «Что самниты формируют?»):

(15a) OV («Что сделали лигуры?»)

(sc. Ligures) *postquam oppidum oppugnatum Romanum cernebant, progressi ante portas **aciem struxerunt***. (Liv. 42.7. 5)

‘Когда они поняли, что крепость будет осаждена, они встали перед воротами и выстроились в боевую линию’.

(15b) VO («Что самниты формируют?») (sc. Samnites) *Armati suis quisque ordinibus instruunt aciem*. (Liv. 10.36.2)

‘Вооружившись, каждый на своем месте в строю, они боевую линию формируют’¹⁷.

Для древнегреческого мы нашли похожий анализ в (Emde Boas et. al. 2019: 711), согласно которому на маркирование широкого и узкого фокуса также влияет порядок слов. Сравним примеры (16a) и (16b):

(16a) ΚΟ. ποῖ τοῦτον ἔλκεις;
ΓΡ. Α. εἰς ἑμαυτῆς NARROW FOCUS εἰσάγω VERB.
(Aristoph. *Ecccl.* 1037)

‘(Девушка:) Куда ты его тащишь?
(Первая старуха:) Я веду его к себе домой’.

Поскольку девушка спросила ποῖ τοῦτον ἔλκεις, старуха может считать информацию о том, что она куда-то тащит данного мужчину, уже известной девушке. Поэтому новая информация ограничивается единственным членом εἰς ἑμαυτῆς, который представляет собой «узкий фокус» и предшествует глаголу.

(16b) ΣΩ. οὗτος, τί ποιεῖς ἐτεόν, οὐπὶ τοῦ τέγουσ;
ΣΤ. ἀεροβατῶ καὶ περιφρονῶ τὸν ἥλιον BROAD FOCUS
(Aristoph. *Nub.* 1502–1503)

‘(Сократ:) Эй, что ты делаешь, ты на крыше?
(Стрепсиад:) Я гуляю по воздуху и созерцаю Солнце.’

Вопрос Сократа τί ποιεῖς показывает, что Стрепсиад может предположить, что Сократ знает, что он что-то делает. Ответная

¹⁷ Порядок составляющих OV/VO в латинском языке зависит от множества факторов, как показала Ольга Спеквак (Spevak 2010), но в данном случае мы можем сослаться на Харма Пинкстера (Pinkster 2021: 779), который утверждает, что «вторые аргументы могут быть помещены в финальную позицию, если они являются фокусом», и комментирует данный отрывок из Ливия следующим образом: «формирование боевой линии — это предсказуемая вещь, которую следует делать в условиях войны, но в отчаянном положении, в котором оказались самниты, это замечательный подвиг, отсюда и необычный порядок, когда *aciem* следует за глаголом».

информация содержится в двух предложениях, первое из которых состоит только из глагола (ἀεροβατῶ), и поэтому вопрос о порядке слов не возникает. Во втором новая информация включает и глагол, и существительное, и в этой «широкофокусной конструкции» τὸν ἥλιον следует за περιφρονῶ, то есть порядок слов противоположный тому, который в (16а).

Таким образом, по параметру слабой, или «семантической», инкорпорации древнегреческий язык попадет в одну ячейку типологической матрицы с русским и латынью: есть параллельные конструкции с различным прагматическим статусом объекта, но выражаются они порядком слов, а не инкорпорацией объекта как таковой.

4. Заключение

В данной статье мы попытались расширить контекст явлений, релевантных понятию инкорпорации, за счет данных древнегреческого языка. Представленный выше анализ позволяет определить его место в разработанной авторами типологической матрице, в которой все языки распределяются в соответствии с выделенными параметрами, а также принимаются во внимание как продуктивные (макро-типология), так и непродуктивные (микро-типология) явления и процессы (см. таблицу 2). При этом следует отметить, что древнегреческий язык демонстрирует как бóльшую продуктивность инкорпорации, чем латынь, так и бóльшее разнообразие вариантов инкорпорирующих конструкций, что позволяет добавить к уже разработанной матрице два дополнительных параметра: 1) включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса и возможностью анафорической референции объекта, и 2) включение объекта в глагол с сохранением его переходности и с пассивизацией. Таким образом, древнегреческий попадает не только во все ячейки матрицы, в которые попадает латинский язык, но и демонстрирует еще две разновидности инкорпорации, редко встречающиеся даже в «классических» инкорпорирующих языках, см. таблицу 2.

Таблица 2.¹⁸ Место древнегреческого языка в градуальной типологии инкорпорации

	Наличие параллельных конструкций	Отсутствие параллельных конструкций
Включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса	корякский латынь*, древнегреческий*?	Суахили (для прономинального объекта), латынь*, древнегреческий*
Включение объекта в глагол с детранзитивизацией инкорпорированного комплекса и возможностью анафорической референции объекта	мохавк, древнегреческий	
Включение объекта в глагол без детранзитивизации инкорпорированного комплекса	мандинка латынь*, древнегреческий*	
Включение объекта в глагол без детранзитивизации инкорпорированного комплекса с возможностью пассивизации инкорпорированного объекта	инуктитут, древнегреческий*	
Морфосинтаксическая связанность объекта с глаголом	тамильский	гбан
Объектная индексация в глаголе	Суахили (для именного объекта)	
Отсутствие связанности объекта с глаголом	русский, латынь, древнегреческий	

Особого внимания заслуживает понятие «продуктивности» в отношении инкорпорации в древнегреческом. С одной стороны, нельзя сказать, что все переходные глаголы в этом языке могут образовывать объектно-глагольные инкорпорирующие комплексы, для некоторых типов инкорпорирующих конструкций список таких глаголов невелик (такие типы отмечены в таблице 2 знаком * как непродуктивные), но, с другой стороны, продуктивность инкорпорации в древнегреческом существенно

¹⁸ Светло-серым выделены языки, относящиеся к инкорпорирующим, знаком * отмечена непродуктивность (нерегулярность) данного явления в языке.

выше, чем в латыни. Причем для некоторых глаголов характерен открытый список инкорпорированных объектов, ограниченный лишь семантической сочетаемостью. Поэтому при отнесении к классическому «корякскому» типу инкорпорации знак непродуктивности (*) для древнегреческого поставлен со знаком вопроса. В принципе, признак продуктивности мог бы составить в этой матрице особое измерение или отдельную шкалу:

продуктивная инкорпорация и для глаголов, и для объектов (корякский) — продуктивная инкорпорация только для объектов (тюмписа шошоне и древнегреческий) — непродуктивная инкорпорация (латынь) — отсутствие инкорпорации (русский).

Таким образом, включение «неинкорпорирующих» языков в анализ явлений, релевантных понятию инкорпорации, позволяет лучше систематизировать эти явления, а также создать новую типологическую матрицу инкорпорации, включающую все языки. Кроме того, изучение явления инкорпорации в древних индоевропейских языках открывает дополнительную перспективу: сравнение древних и новых индоевропейских языков (латынь и романские, древне- и новогреческий, санскрит и хинди) позволило бы рассмотреть это явление в динамике и увидеть возможные пути и механизмы изменений, то есть перейти от описательной и статичной типологии к объяснительной и динамической.

Литература

- Asraf, N. 2021. The Mechanism of Noun Incorporation in Ancient Greek. *Glotta*, 97, 36–72.
- Asraf, N. 2022. The Syntax-Morphology Interface in Ancient Greek. The Syntactical Properties of Morphemes. *Mnemosyne* 1–30
- Baños Baños, J. M. 2012. Verbos soporte e incorporación sintáctica en latín: el ejemplo de *ludos facere*. *Revista de Estudios Latinos*. 12, 37–57.
- Caballero, G., Houser, M. J., Marcus, N., McFarland, T., Pycha, A., Toosarvandani, M., Nichols, J. 2008. Nonsyntactic Ordering Effects in Noun Incorporation. *Linguistic Typology*. 12, 383–421.
- Carlson, G. 2006. The Meaningful Bounds of Incorporation. In: S. Vogeleer, L. Tasmowski (eds). *Non-Definiteness and Plurality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 35–50.
- Creissels, D. 2008. L'incorporation en mandinka. In: D. Amiot (ed.). *La composition dans une perspective typologique*. Lille: Artois Presses

- Université, 75–88. (The preprint version <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-incorp.mand.pdf>, accessed 20.04.2024.)
- Dahl, Ö. 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.
- Emde Boas, E. van, Rijksbaron, A., Huitink, L., Bakker, M. de. 2019: *The Cambridge Grammar of Classical Greek*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kühner, R., Gerth, B. 1898–1904. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre. 2 vols. (3rd ed.). Hannover–Leipzig.
- Marini, E. 2015. Les verbes à incorporation de l'objet en latin: essai d'aperçu typologique. In: G. V. M. Haverling (ed.). *Latin Linguistics in the Early 21st Century. Acts of the 16th International Colloquium on Latin Linguistics, Uppsala, June 6th–11th, 2011*. Uppsala: Uppsala University, 116–132.
- Mithun, M. 1984. The evolution of noun incorporation. *Language*. 60, 847–894.
- Mithun, M. 2000. Incorporation. In: G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mudgan (eds). *Morphologie/Morphology: A Handbook on Inflection and Word Formation: Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter, 916–928.
- Mithun, M. 1986: On the Nature of Noun Incorporation. *Language*. 62, 32–37.
- Mithun, M., Corbett, G. G. 1999. The Effect of Noun Incorporation on Argument Structure. In: L. Mereu (ed.). *Boundaries of Morphology and Syntax*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 49–71.
- Mueller-Reichau, O. 2015. Pseudo-Incorporation in Russian? Aspectual Competition and Bare Singular Interpretation. In: O. Borik, B. Gehrke (eds). *The Syntax and Semantics of Pseudo-Incorporation*. Leiden – Boston: Brill, 262–295.
- Pinkster H. 2021. *Oxford Latin Syntax. Vol. 2. The Complex Sentence and Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Plungian, V. A. 2011. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages*. Moscow, Izdatel'stvo RSHU.]
- Плунгян, В. А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: Изд-во РГГУ.
- Pompei, A. 2006: Tracce di incorporazione in greco antico. In: P. Cuzzolin, M. Napoli (eds.). *Fonologia e tipologia lessicale nella storia della lingua greca*. Atti del VI Incontro Internazionale di Linguistica Greca (Bergamo, settembre 2005). Milan, 216–237.
- Rosen, S. T. 1989. Two Types of Noun Incorporation: A Lexical Analysis. *Language*, 65, 294–317.

- Sadock, J. M. 2006. Incorporation. In: K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Elsevier, 584–587.
- Spevak O. *Constituent order in classical Latin prose*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010.
- Zhelтов, А. 2020: Incorporation and “formal incorporation” in analytic languages: Mande languages and typology of incorporation. *Language in Africa*, 1(4), 98–114.
- Zhelтова, Е., Zhelтов, А. 2022. Nekotorye zamechaniia o latinskom iazyke v kontekste tipologii ob’ektnoi inkorporatsii. [Some remarks on Latin in the context of object incorporation typology]. In: M. Kisilier (ed.). *Verus Convictor, Verus Academicus. To the 70th birthday of Nikolai Nikolayevich Kazansky*. St Petersburg: ILI RAS, 262–274.
- Желтова, Е. В., Желтов, А. Ю. 2022. Некоторые замечания о латинском языке в контексте типологии объектной инкорпорации. В сб.: М. Кисилиер (ред.). *Verus Convictor, Verus Academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского*. СПб.: ИЛИ РАН, 262–274.
- Zhelтов А., Zhelтова Е. 2024. Object Incorporation in Latin: Towards Macro- and Micro-typology of Incorporation. *Philologia Classica*, 19 (1) (in print).